18+

ДЖИНО

МОЙ ДАР, МОЁ ПРОКЛЯТЬЕ

АЛЕКСЕЙ КОМИССАРЕНКО

Алексей Комиссаренко

Джино. Мой дар — моё проклятье

«Издательские решения»

Комиссаренко А.

Джино. Мой дар — моё проклятье / А. Комиссаренко — «Издательские решения»,

Это захватывающая история о том, как власть над женщинами и вечные победы сменяются абсолютной, убийственной пустотой.Дьявол наделил Джино безграничным соблазном, но проклял невозможностью познать истинную любовь. В мире искушений он отчаянно ищет дорогу к спасению.Дорог может быть несколько, но выбрал ли ты правильную, узнаешь, лишь пройдя путь до конца. Какую цену придется заплатить, чтобы вырваться из порочного круга и спасти свою душу?

© Комиссаренко А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 6
Италия, Генуя, 5 октября 2020 г. 6
Знак свыше 7
Глава 2 11
Пронзительный взгляд 11
Месяцем ранее… 12
Глава 3 14
Одержимость 14
Глава 4 15
Во власти гипноза 15
Глава 5 17
В стенах дома 17
Глава 6 21
Диалог с Альбой 21
Глава 7 25
Камин 25
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Джино
Мой дар — моё проклятье

Алексей Комиссаренко

Корректор Галина Викентьевна Валяева

© Алексей Комиссаренко, 2026

ISBN 978-5-0071-6809-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Италия, Генуя, 5 октября 2020 г.

Знак свыше

«Искушение, зачем ты преследуешь меня,
Ты же видишь — погибаю».
А оно снисходительно:
— Это ещё вопрос, кто кого преследует.

На напольных часах пробило полночь. Их форма была похожа на объёмную вытянутую каплю высотой примерно в метр. Покрытый лаком массивный корпус из палисандра был округлым книзу и плавно перетекал в застывшие у основания струи. Часы гулко отбивали секунды. Сияющий позолотой циферблат внешне напоминал кривую лужу. Стоило задержать на них взгляд, и могло показаться, что время хаотично. Собственно, так думал и Джино — большой поклонник гениального творчества испанского живописца Сальвадора Дали.

Вечно гоняясь за оригинальностью, Джино искал что-то необычное для своего дома, включая абстрактные картины, эксцентричную мебель в стиле *«Space Age»* «Космическая эра» Вернера Пантона и элементы интерьера, от вида которых по телу бежали мурашки у нечастых гостей, — как например, от камина, но о нём немного позже.

Создавали часы две мастерские: столярная и часовая. Столярная занималась деревянным корпусом и подставкой, часовая — механизмом и нанесением сусального золота на безель.

Заказывая их, Джино не думал, что на изготовление уйдёт несколько месяцев. Увидев часы впервые, он был поражён результатом. Его восторгу не было предела. Хотя, глядя на них, Джино гордился в первую очередь собой: «Надо же! Мне пришла в голову незаурядная идея — воплотить в реальность то, что было частью воображения великого художника. Вдобавок я внёс собственное видение в их форму. И вот великолепное произведение искусства уже готово. Именно таких часов больше нет ни у кого, это уж точно», — мысленно тешил он себя.

Но это было давно…

Сейчас часы, как и многое в доме, раздражали Джино. Его злило всё. Любая мелочь. Даже то, что когда-то было дорого его душе, — то, на что раньше он тратил время и деньги. Виной всему был алкоголь.

Изрядно выпив он взглянул на них и злобно фыркнул:

— Да не существует времени. Тикаете, тикаете, а ничего не меняется. Хмм… — зарычал он и сжал кулаки.

Налив очередной стакан виски безо льда, он подошёл и встал вплотную к зеркалу на стене спальни. Джино пристально начал вглядываться в отражение, которое уже двоилось из-за количества выпитого.

— Скажи мне, кто ты? — ухмыляясь, прошипел он. — Не прячься, покажи своё истинное лицо! Ну! Что ты прячешься? Давай, покажись, — повышая тон, продолжал он. — Кто ты?! Я хочу увидеть тебя!

Саркастически улыбаясь, он стал гримасничать, пытаясь высмеять того, кто якобы должен был появиться в зеркале. Но там ничего не менялось — Джино по-прежнему видел только себя.

— Покажись, покажись, покажись! — прищурившись, повторял он сквозь зубы, как одержимый. Его глаза сверкнули от злости, на лице вспыхнула улыбка, напоминающая звериный оскал. В отражении возникло нечто жуткое. Джино отпрыгнул и, закричав, со всего маха кинул в зеркало стакан. Разбившись, оно с грохотом посыпалось на пол.

Выбежав из спальни и мгновенно спустившись по мраморной лестнице на первый этаж, он буквально вылетел из дома. Обернувшись назад, поняв, что его никто не преследует, трясущейся рукой попытался открыть дверь автомобиля. Шёл сильный ливень. Из-за воды замок

не распознавал его отпечатка пальца, и дверь не открывалась. Но, возможно, сесть за руль ему мешало *нечто*…

— Этот дом и я прокляты! — гневно прошептал он дрожащими губами.

Дверь автомобиля внезапно открылась. Он увидел, что вместе с ним во двор выбежала его собака, лабрадор по кличке Шарли, которая почуяла приближающуюся катастрофу: она лаяла и скулила, бегая вокруг хозяина. Джино попытался отогнать её, но она запрыгнула в машину и прижалась к спинке пассажирского сиденья.

— Ладно, всё нормально, немного прокатнёмся сеньор Джино, — пробормотал он под нос и вцепился трясущимися от злости руками в руль.

Заведя двигатель и включив режим драйв, он яростно вдавил педаль акселератора в пол. Сотни лошадиных сил, спрятанных под капотом спорткара, оглушительно взревели. Колёса завизжали, машину немного занесло, но, справившись с управлением, он поехал в сторону побережья Генуи, где любил гулять вдоль обрыва скал, любуясь закатами и рассветами над морем.

Но сейчас его тянуло туда только одно желание — освободиться от накопленных переживаний и хорошо прокричаться. Чувства смешались. Это была боль, страх, злость, и все они стремились вырваться из груди.

Бутылка виски в крови, страшный попутчик за рулём — поэтому Джино буквально чудом удалось добраться до побережья.

За время пути из него вышел пар, и он немного успокоился.

Едва приехав, хмельной Джино достал из двери зонт и, покачиваясь из стороны в сторону, пытаясь удерживать равновесие, направился к краю отвесных скал у моря.

Ливень продолжался, ветер усиливался. Подойдя к береговому обрыву, он остановился. Через паузу сделал ещё шаг вперёд. Правая нога соскользнула с мокрого камня, но Джино смог удержаться и не упасть. На мгновение его сердце замерло от ужаса. Он тут же протрезвел, прерывисто задышав, и отступил от края.

Бушующая стихия рассекала волны об острые камни. Уже второй день официально было объявлено штормовое предупреждение.

Позже во всех СМИ появится статья про несколько человек, которые утонули в эти дни в Генуе.

Джино стоял на краю и смотрел вниз на воду. В голове крутился сюжет картины под названием «Игра», висевшей в гостиной его дома. Её написал русский художник Александр Куликов и когда-то подарил отцу Джино, Альберто. На ней были изображены семеро молодых людей, возрастом примерно двадцати лет, в одежде андрогинного стиля — джинсах клёш и футболках с забавными принтами, популярными в 1970-х годах, тогда же и была написана эта картина. Три девушки и три парня, стояли полукругом за несколько шагов от края скалы, а седьмой участник забавы — молодой человек, с завязанными глазами — вытянув руки вперёд, пытаясь поймать других, идёт в сторону обрыва.

На его лице застыла белоснежная улыбка, и ему осталось сделать только шаг, нога уже зависла над пропастью, и через секунду он сорвётся вниз, но он не знает этого. Его окружение застыло в ожидании, кто-то улыбается, кто-то приготовился начать аплодировать, а одна пара слилась в страстном поцелуе, не обращая внимания на окружающих. Ни кто из изображённых не крикнет ему: «Стой!».

Джино ассоциировал себя с главным героем картины, который погибнет через мгновение, но никто из его окружения даже не попытается его спасти.

Нет, Джино вовсе не хотел покончить с собой. Напротив, его целью было преодоление сложившихся в жизни обстоятельств. Продолжать жить, просто по-другому. Это единственное, чего он хотел сейчас. Но в то же время все *за* и *против* смешались в голове. Эмоции брали верх над разумом.

Джино снова сделал пару шагов к самому краю.

«Ладно, пусть будет так, как должно быть! Вот она, грань между жизнью и смертью, разделяющая прошлое и будущее», — мелькнула хмельная, но острая, как топор палача, мысль.

Но ведь я вправе контролировать ситуацию! Я же могу не делать шаг за черту. Мои глаза без повязки, и я точно знаю, что погибну, если шагну вперёд. А шаг назад в этом случае означает спасение! Да, да, у меня хотя бы будет выбор, как жить дальше», — прокричало на мгновение протрезвевшее сознание.

— С другой стороны, вроде бы знаю, куда иду, но не знаю, куда будет идти правильнее, — еле слышно прошептал он. — Правильнее. А, что правильнее, где оно — это правильнее? Кто ответит? Нет, тихо, тихо, спокойнее друг. Всё, всё нормально, — шептал он пытаясь успокоить себя, но тут-же устремил взгляд в небо с чувством обиды на судьбу.

— Где выход? — прокричал он. — Как мне жить дальше? Нет никого рядом, кто помог бы мне.

Ответ последовал незамедлительно. Хотя, скорее, это был только намёк. Резкий порыв ветра вырвал зонт из рук и унёс в море. Вздрогнув от неожиданности, он замер и тут же, взяв себя в руки, понял, что нужно перестать жалеть себя. Восприняв это как знак свыше…

Его костюм мгновенно промок. Рядом бегала, скуля, трясущаяся от холода Шарли, но он не обращал на неё внимания.

— Господи, помоги! — уже смиренно посмотрев в небо, прокричал Джино полным надежды голосом. — Я знаю, на всё воля Твоя. Абсолютно на всё! Теперь я точно это знаю и верю в это. Ты посылаешь нам испытания, и мы должны их пройти. Но у меня больше нет сил, бороться с одиночеством. Я полностью полагаюсь только на Тебя. Пусть будет так, как угодно Тебе. Прошу, Господи, помоги!

Как только он закончил последнюю фразу, в кармане зазвонил телефон. От неожиданности растерявшись и достав его, он увидел, что звонит Елена. Но вода, намочившая экран, помешала взять трубку.

— Проклятая электроника! — зло выдавил он из себя. — И стал нервно водить пальцем по стеклу. В то же мгновение телефон выскользнул из рук, полетев вниз. Пытаясь поймать его, Джино потерял равновесие и, оступившись, сорвался со скалы в море. Шарли прыгнула за ним.

Всё-таки выпитая бутылка сыграла свою коварную роль.

Ударившись о воду, он ощутил, что спина онемела от боли. Всплыв, Джино стал барахтаться руками. По-другому это нельзя было назвать. Он вообще плохо умел плавать. Обувь и намокшая одежда потянули ко дну. Он скинул пиджак и туфли. Внезапно ноги свело судорогой, и они перестали слушаться. Понимая, что может утонуть, Джино лёг на спину и продолжил грести руками в сторону пляжа, до которого было метров пятьдесят. Но течение от берега было настолько сильным, что уносило его всё дальше и дальше в море.

— Помогите! Спасите! Кто-нибудь! Шарли, Шарли, где ты?! — крик отчаяния вырвался из его груди.

Старший спасатель Алонсо, увидев на мониторе береговой камеры человека, прыгнувшего со скалы, поднял тревогу.

— Там самоубийца! Человек спрыгнул в воду. Сигнал тревоги «красный». Взять водолазное снаряжение! Все в спасательный катер!

Когда они погрузились на борт, Джино уже был метрах в ста от берега. Спина нестерпимо болела. Ноги от судорог совсем онемели. Он начал молиться, прощаясь с жизнью. Продолжая усиленно грести руками, Джино пытался удерживаться на поверхности, но всё равно удалялся от суши.

— Как же так?! Как же? Я утону! Почему, Господи?!

Мысли о неминуемой гибели атаковали сознание. Ужас и паника охватили его.

— Господи, я прошу, помоги мне! Господи, помоги! — молил он Бога, беспомощно пытаясь выбраться из цепких лап стихии.

Спасатели, включив прожекторы на борту катера, передвигались на малых оборотах, чтобы не нанести вреда утопающему винтами двигателя. Тщательно просматривая поверхность воды, они уже потеряли всякую надежду найти его.

— Вон он! Вижу! Поворачивай туда! — крикнул Алонсо, увидев голову Джино метрах в тридцати от них.

Яркий свет мелькающих фонарей ослепил Джино.

«Спасибо, Господи!» — мысленно поблагодарил он Бога.

Но очередная волна накрыла с головой. Силы уже покинули его, а руки совсем ослабли.

— Сюда… — прошептал он и, захлёбываясь, пошёл ко дну.

Через мгновение катер подплыл совсем близко к месту, где скрылась голова Джино. Алонсо с помощником нырнули в воду.

Благодаря осветительному оборудованию на лодке и водолазных костюмах им удалось увидеть Джино, ещё пока на небольшой глубине. Прикладывая невероятные усилия, они подплыли к нему. Джино уже не подавал признаков жизни. Алонсо надел на его лицо кислородную маску, но тот оставался без движений.

Когда они всплыли на поверхность, другая часть команды подняла Джино на палубу. Спасатель Элиза, нащупав пульс, посветила фонариком в глаза и, проверив реакцию зрачков, приступила к сердечно-лёгочной реанимации.

— Что там? — раздался по рации взволнованный голос Риккардо — начальника береговой охраны, который остался в здании спасательной службы.

— Мы вытащили его, он уже на борту, — тут же сквозь сбитое дыхание отрапортовал Алонсо. — Пока он без сознания, но пульс прослушивается. Делаем всё, что в наших силах!

— Я смотрю видеозапись. Почему вы сразу не приняли меры?! — сорвался на крик Риккардо. — Почему раньше к нему никто не выдвинулся спросить, зачем он там стоит и что он делает над обрывом? Вы что, специально ждали, когда он спрыгнет?!

Не дожидаясь ответа, он раздражившись прервал связь.

Глава 2

Пронзительный взгляд

Месяцем ранее…

Джино с юных лет был приобщён к семейному бизнесу своего отца Альберто Пенсьери, который когда-то являлся довольно успешным ресторатором в Италии. Но полгода назад, переболев коронавирусом и не перенеся осложнение на лёгкие, Альберто скончался в больнице Святого Рафаила в Милане. Организм пожилого человека не справился с болезнью. Для Джино это был колоссальный удар, он всё ещё тяжело переживал, что его больше нет рядом.

После смерти отца Джино полностью возглавил семейный бизнес.

К сожалению, события в Италии, связанные с пандемией, не только забрали жизнь самого близкого человека, но и поставили под удар всю ресторанную империю Пенсьери. Компания находилась на грани банкротства, как и многие другие в Италии в это непростое время. В связи с этим было организовано собрание Совета Директоров.

За месяц до трагичного падения со скалы, когда погода на улицах Милана была солнечной, Джино приехал в свой офис сети ресторанов *«Antiche Tradizioni di Pensieri»* «Древние Традиции Пенсьери», находящийся в центре Милана, для проведения собрания. Тогда ему казалось, что компанию можно спасти и всё ещё наладится.

Выдержанный внешне, но очень напряжённый внутри, он медленно вошёл в огромный зал с круглым столом, где сидели его партнёры по бизнесу, а также подчинённые, которые громко о чём-то общались и ещё пять минут назад шутили на отвлечённые темы.

Окинув присутствующих пронзительным взглядом, он тихим голосом поприветствовал всех со словами: «Вижу, у вас хорошее настроение».

В зале воцарилась тишина.

У Джино действительно был выразительный, пугающий взгляд, особенно когда он гневался. Люди, находясь от него даже на большом расстоянии, в такие моменты испытывали дискомфорт и желание отвернуться. Ведя диалог с собеседником, он мог пристально смотреть на человека тёмными, как бездна, глазами, что у многих вызывало чувство животного страха.

Джино являлся главным акционером и собственником унаследованной компании. Любящий роскошь мечтатель, он ни в чём себе не отказывал. Путешествуя по миру, бесконтрольно тратил на развлечения и азартные игры деньги, накопленные отцом, желая взять от жизни всё и сразу.

Иногда, арендуя большую яхту и сидя на палубе, он грезил о геометрической прогрессии своего ресторанного бизнеса. При этом он лишний раз не желал участвовать в бизнес-процессах, стараясь избегать профессиональных взаимодействий с коллегами и партнёрами. Джино полагался только на собственную деспотию в отношении топ-менеджмента и сотрудников, которые были в его подчинении.

Дела семьи Пенсьери ещё при жизни отца стали ухудшаться. Но импульсивный любитель яркой жизни Джино не желал вникать в тонкости процессов антикризисного управления. А пандемия, уносящая тысячи жизней людей, резкий спад туризма в Италии и бесконечные ограничения локдауна для публичных мест приближали компанию к гибели.

О высоком самомнении Джино в том числе свидетельствовало даже кресло, на котором он сидел за круглым столом в зале совещаний. Сделанное из красного сандала и обитое слоновьей кожей, оно отличалось от остальных неестественно высокой спинкой и скорее напоминало собой трон императора, а не кресло для ведения переговоров.

— Коллеги, мы все эти годы были вместе, это наше общее дело, — тихо, но уверенно начал свою речь Джино. — От решения, к которому мы сегодня придём, будет зависеть судьба компании. Кто хочет высказаться первым?

Первым начал заместитель Генерального Директора Марио. Он был и оставался надёжным сотрудником компании и верным другом Джино, несмотря на то, что тот часто несправедливо и унизительно кричал на Марио во время общих совещаний в присутствии коллег.

Они дружили с детства, и когда-то отец Марио также работал у отца Джино.

Несколько лет назад Марио потерял своё небольшое швейное производство, унаследованное от дяди Густаво, и Джино взял его к себе на работу.

Марио был педантичным и скромным человеком. У него была забавная привычка — складывать перед собой ладони с направленными вверх пальцами, как бы извиняясь и прося снисхождения в диалогах. Так было и сейчас. Ведь он очень нервничал:

— К сожалению, в связи с пандемией наши рестораны опустели, мы больше не можем ждать, — немного дрожащим голосом и мягким тоном, начал Марио, пытаясь сгладить острые углы. — Министр здравоохранения не даёт прогнозов на будущие ограничения и сроки. Нам неизвестно, сколько они продлятся.

Джино, мы в замешательстве, вся надежда на заем или инвестиции. Страховки не покрывают наших расходов, нам нужны внешние инвестиции для реанимирования или перепрофилирования бизнеса.

— Джино, и вообще, как мне кажется, — вмешался Уберто, один из акционеров, дополнив речь Марио, — нам уже пора делать ставку на кейтеринг, фастфуд и доставку. Сейчас это как никогда актуально.

— Да, я знаю, мы на грани банкротства, — немного раздражённо отреагировал Джино. — Наша компания несёт убытки и в любой момент может быть продана с молотка. Чтобы этого не произошло, я должен взять заем. Но есть риски, что это не поможет, поэтому у меня к вам один вопрос: кто остаётся со мной и пойдёт до конца? Но подумайте хорошо, так как топ-менеджменту будет довольно-таки сложно устроиться на новое место, покинув обанкротившуюся компанию.

Хотя, конечно всему виной ковид, будь он проклят, но вряд ли это будет интересовать ваших новых работодателей. Вроде как выплыли в кризис, значит сильные, а нет, значит слабаки. Да и учитывая весь этот коллапс в целом на рынке труда, сегодня, вообще непонятно чего ждать. Кругом хаос и паника. В любом случае решать вам, либо вы со мной, либо…

Он замолчал и начал вглядываться в глаза присутствующих. Выдерживая паузу.

Прошла напряжённая минута.

— Ну, так кто что решил? Серджио, а ты что молчишь? — твёрдо продолжил он.

— Джино, я всегда был честен с тобой, — подключился к разговору Генеральный Директор Серджио. — И сейчас понимаю, что в данной ситуации нужен антикризисный управляющий. Так как я не справился и отдаю себе отчёт, что не могу больше рисковать судьбой компании. Я складываю свои полномочия. Не могу брать на себя такую ответственность, — встав из-за стола и вытянувшись по струнке, добавил он, — Прости, Джино. Я сделал всё, что мог.

После чего вышел за дверь.

Джино промолчал в ответ…

— Кто ещё хочет занять место в спасательной шлюпке? — через секунду, разозлившись, надменно произнёс Джино.

В зале стояла тишина, все молчали, избегая его взгляда.

— Хорошо, я согласен с вами. Будем менять вектор бизнеса. Нам нужен заем, — понуро добавил он. — Но так, как к нашему общему сожалению, банки отказали в кредите, мне придётся брать деньги у дона Капонелли.

Потом они ещё некоторое время обсуждали детали, после чего он поблагодарил присутствующих и встал из-за стола. Вместе с ним встали остальные участники собрания. Он плавно кивнул головой, прощаясь, и вышел из зала.

Глава 3

Одержимость

Покинув офисное здание, Джино сел в автомобиль, который был подан водителем ко входу.

Он любил женщин, поэтому даже в роли водителя и по совместительству телохранителя у него была Франческа — блондинка с яркой внешностью и забранными в пучок волосами. Она всегда одевалась по просьбе босса в облегающую одежду, подчёркивающую спортивную фигуру. Зная, что Франческа проходила службу в спецназе, Джино никогда не беспокоился за свою безопасность. Хотя повода для беспокойства не было. Скорее, это было очередное желание эпатировать окружающих.

Сев в автомобиль, он откинулся на спинку заднего сидения и положил голову на подголовник. На мгновение закрыл глаза и, снова открыв их, посмотрел в окно на мелькающие здания.

Когда они проезжали мимо Собора Рождества Пресвятой Девы Марии, он попросил Франческу остановиться. Джино решил зайти и помолиться.

Она припарковала автомобиль.

Потянувшись к дверной ручке, он тут же почувствовал, как его сердце забилось чаще, Джино занервничал, но собрав волю в кулак, открыл дверь и вышел из машины.

Встав лицом к зданию собора, он натянуто выпрямился и медленным шагом пошёл в его сторону. Приближаясь к зданию Джино почувствовал нарастающее головокружение и учащённое сердцебиение. Его бросило в пот. «Ну вот, снова оно» — прошептал он себе под нос. Джино внезапно ощутил паническую атаку и потерял контроль над собой. У него появилось желание убежать куда-нибудь, спрятаться.

«Что со мной каждый раз происходит? — пульсировали мысли в голове. — Снова оно… Снова это чувство. Это же просто собор, а я всего лишь человек, почему я так сильно нервничаю? Почему меня каждый раз так трясёт? Это одержимость?!»

Тревожные мысли прервал звонок Розалины. Она ждала его на стрижку у себя в салоне.

— Розалина, привет. Я буду, как всегда, вовремя, — взяв трубку, коротко ответил он.

Тут же сев обратно в автомобиль, он глубоко выдохнул, почувствовав облегчение.

— Ладно, в собор зайду в следующий раз. А сейчас поехали к Розалине, — скомандовал он Франческе.

Будучи католиком, крещёным по воле родителей в детстве, Джино посещал церковь с мамой, но спустя годы всё изменилось. Уже в юности он стал замечать нарастающее волнение, во время нахождения в храме, а позже и вовсе не мог зайти в него. Какая-то неведомая сила останавливала Джино. Что-то необъяснимое происходило с ним. И каждый раз, как и сейчас, не справляясь с эмоциями, он откладывал посещение собора на потом.

Глава 4

Во власти гипноза

Подъехав к парикмахерской, выйдя из автомобиля, он направился ко входу. Всегда с безупречным вкусом и стильно одетый, надменный сноб Джино уверенной походкой зашёл в роскошный салон. Дверь ему открыла Розалина, кроме неё в помещении никого не было. Она была в маске так, как салон работал в условиях постлокдауна. Посетители приезжали только по предварительной записи.

— Привет, Розалина! — широко улыбаясь, он поздоровался с парикмахершей.

Тут же обнял её, но не смотря в глаза и не беря за руки.

На мгновение они всё-таки встретились взглядами на близком расстоянии, и она коротко погрузилась в транс. Зная об этом, Джино отвёл глаза в сторону и, пройдя в зал, сел в кресло для стрижки.

— Прекрасно выглядишь! Как у тебя дела, Розалина? — широко улыбаясь, спросил он.

— Всё хорошо, спасибо, — будучи немного не в себе от ощущений после встречи с его глазами, ответила она слегка заторможенным и взволнованным голосом. — Вы так странно посмотрели на меня, как будто обожгли огнём! Вам никто не говорил об этом раньше?

— Хм… Нет, впервые слышу! — снисходительно улыбаясь, парировал Джино.

Но после её вопроса, как это бывало уже не раз, он почувствовал внезапно возникшее желание немедленно, прямо здесь и сейчас соблазнить красавицу.

Ещё совсем недавно, ведомый порывом духовного очищения, он хотел посетить храм, но при виде красивой женщины молниеносно переключился на греховную страсть.

— Подойди ко мне! — размеренно в приказном тоне и низким тембром голоса сказал он. При этом вальяжно развалившись в кресле.

Розалина, не понимая, что происходит, покорно сделала шаг вперёд.

— Ещё ближе, ещё! Не бойся, я не сделаю тебе больно!

Он властно смотрел ей прямо в глаза. Когда она подошла вплотную, он взял её за руки и, не отводя взгляда, резким движением посадил себе на колено.

Губы Розалины широко разомкнулись, её дыхание сбилось. Яркая, как огонь, рыжеволосая красавица крепко обняла его и слилась с Джино в страстном поцелуе. Через мгновение, полностью потеряв контроль, она сорвала с себя блузку. Встав с кресла, он поднял Розалину, а она обхватила его тело ногами. И он тут же отнёс её в соседнюю комнату.

Благодаря гипнозу Джино, между ними возникла неистовая связь. Розалина не догадывалась, что это гипноз. Впрочем, как и все остальные женщины, которыми он пользовался, применяя свой дар.

Она находилась в состоянии глубокого транса, при этом воспринимая происходящее с ней, как своё естественное желание и думая, что сама контролирует весь процесс. Но она заблуждалась, как и все остальные жертвы, попадающие под влияние гипноза Джино.

Через некоторое время, получив то, что хотел, он вышел из комнаты и спокойно сел в кресло для стрижки.

Другая посетительница стояла на улице и настойчиво звонила в дверь.

Джино открыл ей.

— Здравствуйте, а где Розалина? — поинтересовалась девушка.

— Добрый день, она сейчас выйдет в зал, — с самодовольной улыбкой ответил он.

Розалина оделась в соседней комнате. Выйдя, она поздоровалась с посетительницей и, бросив абсолютно холодный взгляд на Джино, начала стричь его.

Он просто закрыл глаза и погрузился в свои мысли, понимая, что вместе с гипнозом уходят страсть и подобные вулкану чувства женщин, которые они испытывают к Джино под его воздействием во время интимной близости.

Когда Розалина постригла Джино, он поблагодарил её и уехал к себе домой.

Глава 5

В стенах дома

У него была двухэтажная вилла в двадцати километрах от Милана, и около часа езды от побережья Генуи. С колоннами и внешним фасадом в античном стиле.

Дверь открыла молодая служанка Альба. Поздоровавшись с Джино, она опустила взгляд. В доме, кроме неё, из прислуги больше никого не было, так как основные вопросы по уходу за садом и домом вели нанятые извне сотрудники, приезжавшие по графику. Альба лишь поддерживала чистоту и отвечала за бытовые вопросы: избавиться от пыли, подготовить костюм Джино к выходу, приготовить и подать еду — ну и что-то в этом роде.

В доме не было повара, Альба сама справлялась на кухне и это было не трудно, так как Джино будучи ресторатором, дегустирующим множество блюд в своих ресторанах, да и не только в своих, предпочитал в готовке дома минимализм: овощи на пару, морепродукты — всё лёгкое и не перегруженное жирами, сводя потребление пряного, солёного, жирного почти к нулю. Нет, не стремление к здоровому образу жизни или чему-то там ещё привело к такому выбору, а элементарное пресыщение. Да в общем-то вся его жизнь напоминала шведский стол — с обилием разных блюд, вокруг которого теснилось много красивых женщин, а хочется выбрать что-то одно — то, что или кого полюбишь раз и навсегда. Как, например, ромашковый чай, заботливо налитый из фарфорового чайничка мамиными руками в чашку, которую она, нежно улыбаясь, протягивала маленькому Джино, сидевшему за столом на террасе их старого дома. И, конечно же, запечённую грушу на блюдечке.

— Горячая! Будь осторожен, сынок. Подожди немного, пока она остынет, — говорила она.

Груша блестела на солнце, играя бликами и соблазняя сладким ароматом скорее съесть её. Но Джино всегда терпеливо ждал, потом отрезал столовым ножиком кусочек, дул на него и откусывал только половину, чтобы убедиться, что остыло. Лёгкая непринуждённость, похожая на сон, осталась в памяти Джино на всю жизнь. Ощущение заботливой любви мамы — вот чего ему не хватало сейчас в женщинах, подчинённых его гипнозу и затянутых в порочный круг хаотичных связей.

Он молча прошёл мимо Альбы и сразу поднялся на лифте на второй этаж. Войдя в спальню, рухнул на огромную кровать прямо в костюме.

Лёжа он протянул руку к тумбе и взял фоторамку. На ней были запечатлены его родители, весело бегущие по берегу моря и держащие восьмилетнего Джино за руки.

Он долго молчал, глядя на фото.

— Как я хочу вас обнять, — тихо произнёс он. — Я так одинок! Я устал… Бизнес идёт ко дну. Папа, я не справляюсь. Если Капонелли не даст денег, то я потеряю всё. Хотя нет! Этот старый хитрец пойдёт на сделку.

Я в свою очередь, обещаю тебе отец, что вытащу бизнес из пропасти. Любой ценой!

Но самое тяжёлое сейчас даже не бизнес, а то, что я устал быть один. Засыпаю один, просыпаюсь один. Как же я хочу семью. Я мечтаю, чтобы мой дом наполнился любовью и детскими радостными криками. Мама, помнишь, ты говорила: «Когда родятся внуки, я хочу гулять с коляской, нянчить моих маленьких „Джиников“ и катать их на паровозике вокруг фонтана в парке». Но ведь этого так и не произошло, мама. Прости…

Мамуль, — сказал он, посмотрев в окно спальни, — вы с отцом сейчас на небесах, всё видите и молитесь за меня, я знаю. Я благодарен вам за любовь и заботу, которой вы меня окружали всю жизнь. Вы так много дали мне. Сейчас у меня есть всё, но я могу потерять это

всё из-за банкротства. Но страшнее всего мысль о том, что до конца своих дней я так и буду один. Одиноким стариком без детей и внуков. Женщины леденеют ко мне, как только перестаёт действовать гипноз. Я не знаю, почему так происходит. Не знаю!.. Я пытаюсь, пытаюсь, но они исчезают. Никаких тебе походов в театры, путешествий, романтических свиданий. Только «эротическая гимнастика» и тишина в ответ на вопросы о чувствах, совместном будущем или детях. Тишина или странная улыбка. Да, она у всех одинаковая — снисходительная, холодная и странная. Откуда это пришло, для чего, почему именно ко мне? У меня не было ни первой любви, ни отношений. В юности, да и всю жизнь одно и то же — холод в душе.

Отец, мама, когда вас нет рядом, но вы всё видите и теперь понимаете, я прошу вас помочь мне. Прошу! Сам я не справлюсь.

На последней фразе грудь сдавило от безысходности. Слёзы буквально хлынули ручьём.

После смерти отца, меланхолия стала часто заполнять его жизнь.

Если раньше, в шуме праздных вечеринок, он мог не думать об одиночестве и срывался во все тяжкие, зная, что отец являлся непоколебимой опорой материальных благ и моральной поддержкой. То сейчас в Джино что-то необратимо сломалось.

Он сел на край кровати, смахнул слёзы, и озлоблено начал бормотать:

— Так! Всё! Тихо! Ну что ты размазался?! Соберись! Ты взрослый мужчина. Отец ведь всегда учил: «Никогда и ни на что не жалуйся! Ты — это здание, которое строит твой внутренний архитектор, а каждый раз, жалуясь, теряешь по кирпичику, разрушая себя».

Да, это твой путь. За всё надо платить. Вчера сладкое вино на губах красавиц, сегодня горькие слёзы и тоскливый вой одиночества. Цена промискуитета. И что это за слово такое — промискуитет?.. Это как горячее блюдо, которое может нравиться, пока не остынет, но, став холодным, неизбежно будет противным. Да, вот так! Но ведь нужно менять всё: себя, образ жизни — и идти к своей мечте. К созданию семьи. И это главное.

А бизнес? А что бизнес. Капонелли — ещё тот скупердяй, он не упустит возможность воспользоваться моментом и поживиться на моих проблемах. Интересно, на каких условиях он согласится дать денег? Неизвестно. Поэтому, прежде чем ехать к нему, нужно всё тщательно обдумать. Хотя что тут думать? Выбора у меня всё равно нет. Поеду на поклон — и будь что будет.

Немного успокоившись, Джино снова лёг и долгое время обнимал рамку с фотографией, закрыв глаза.

— И правда. Что ты ноешь? Чего тебе не хватает?! — услышал он внутренний голос, с интонацией надменного сарказма — Ноешь, ноешь: семья, дети. Да на твоём месте хотели бы оказаться миллиарды мужчин! Ты одним только взглядом можешь соблазнить любую. Не нужно дарить дворцы, машины, бриллианты, тебе достаточно просто посмотреть в глаза, взять за руки, — и она твоя! Но нет, тебе всё мало. Ты терзаешь себя в поисках истинной любви, свидетельством которой будет рождение детей!

Бла, бла, бла…

Дорогой мой друг, — продолжал внутренний голос. — Вот что я скажу тебе:

— Эти замужние сеньоры такие шалуньи. Видел бы ты, что они делают со своими любовниками, когда мужа нет рядом. А эти бесконечные переписки о тайных желаниях! Но, несмотря на это, у них остаются ещё кое-какие мысли, которыми они не делятся даже с любовниками…

И вот представь, встретишь ты одну такую, полюбишь, а она начнёт изменять тебе. Потом ты узнаешь об этом, испытаешь неистовую боль и захочешь расстаться. Но твоя избранница сердца, будучи очень хитрой, прольёт море слёз с мольбами о прощении, при этом нагло утверждая, что тебе всё это показалось. И вообще, применяя множество женских уловок, сделает тебя виноватым в этой ситуации, сославшись на отсутствие должного внимания с твоей стороны и прочую ерунду. Почувствовав вину, ты простишь её, и вы будете жить долго и счаст-

ливо, пока измена не разлучит вас на какое-то время, а потом всё повторится, причём снова и снова, и ещё много раз по кругу. Боль, боль, боль! Вот что сулит тебе так называемая любовь!

А ты? Сможешь ли ты хранить ту самую верность? Ведь ты так любишь «сладенькое». Задумайся!

Ну а дети всегда приносят с собой чувство страха за их здоровье, безопасность, судьбу. С ними сплошные нервы и бессонные ночи до совершеннолетия, а после совершеннолетия ещё и бессонные сутки. Подумай, Джино, о том, нужны ли тебе эти проблемы?..

И ещё, запомни, — голос чуть стих. — Есть одно условие обладания даром гипноза: если ты продолжишь искать любовь и найдёшь её, ты потеряешь эту феноменальную возможность — беспрепятственно обладать прекрасными телами!

— Стоп! — решительно ответил Джино. — Ты лжёшь! Я взрослый мужчина, и меня не напугать этим. Я уже давно пресытился вспышками страсти ничего не подозревающих сеньорит, но сейчас речь не о них, а обо мне. Они все растворяются в пустоте, сразу после близости со мной. Им никому нет дела до моих чувств, а это приносит душевную боль и задевает мою мужскую гордость. Поэтому я ищу ту, которая в ответ на мои чувства полюбит меня искренне и так сильно, что у нас не останется места даже мыслям, об измене. Пусть такие чувства — редкость для нашего времени, в котором царит промискуитет, промискуитет, промискуитет…

Это слово начало отражаться эхом, как и все последующие фразы. Будто от стен в пещере. Эй! Где я? — крикнул Джино. — Молчишь? Но я знаю, ты слышишь меня. Тебе не сбить меня с пути. Я всё равно буду искать её! И найду! — утвердительно повысил голос Джино. — Что касается детей, то если о детях так будет думать человечество, то оно…

Слова спутались, язык начал бесконтрольно заплетаться. Взяв себя в руки, Джино продолжил с надрывом:

— С сегодняшнего дня, я буду спрашивать у каждой, кого соблазнил о чувствах ко мне! Я докопаюсь до истины. Хотя нет! Я не буду больше никого соблазнять! Да! Буду только говорить с ними, но находясь на расстоянии. Больше никакого гипноза. Всё! С меня хватит одиночества.

Внезапно он услышал оглушающий хохот, который зазвучал в голове.

— Кто ты? — снова закричал Джино. — Покажись, покажись!

Смех начал усиливаться. Внезапно Джино проснулся и в ужасе понял, что это был сон. Его глаза сильно слезились и нестерпимо болели. Он вскочил с кровати и закапал в них анестетик.

Стрелки на часах показывали половину второго ночи.

Сон был как наяву. Ещё несколько минут отголоски смеха продолжали звучать в голове. Окончательно проснувшись, Джино снова лёг на кровать.

«Приснится же такое, — подумал он. — Антидепрессанты совсем не помогают. Просыпаюсь пять раз за ночь. Где сон, где реальность, уже не пойму. Надо увеличивать дозировку. Хотя, увеличивать, увеличивать, а потом, что? Ну, год буду принимать их, потом снова увеличивать, потом ещё год. А дальше, что?..

Я сам загнал себя в капкан зависимостей. Нужно, как-то менять вообще всё, в моей жизни.

Такие мысли посещали его часто, особенно, при живом отце. Джино осознавал, как много тот трудится, удерживая бизнес в состоянии стабильности. Но, как часто бывает, вредные привычки укореняются в сознании, затуманивают его и поглощают зависимого от них человека, как жертву. Убивая болезнями тела и души.

Джино вздохнул и, снова прокрутил сон в голове:

«Если я встречу любовь, то потеряю дар гипноза. Потеряю дар… Ну и что? Потеряв одно, вероятно приобрету другое. Я так чувствую. А, что если голос прав? И меня ждёт боль измены, которая возможно в тысячу раз сильнее чем боль одиночества сейчас? Да и я сам смогу ли хранить верность? И что такое вообще настоящая любовь? Чем она лучше мимолётных связей?

Что в ней такого особенного? Я не знаю… Я не испытывал таких чувств. Может, оставить всё как есть?

Почему у меня всё не как у всех? Большинству мужчин не обязательно обладать гипнозом, чтобы владеть красивыми женщинами. К сожалению, их можно просто купить. Такое уж время.

Хотя, когда оно было другим? Красивые женщины и деньги всегда, где-то рядом друг с другом в обоюдной зависимости. А культ любовников героев, ещё классики воспевали: одного женщины безмерно любили, но он не любил ни одну из них, а другой якобы любил каждую из тех с кем сближался. Нет, не верю! Ни тому ни другому. Для обоих это была игра, отточенных годами манипуляций. Хотя, может ли мужчина будучи в центре вожделения со стороны страстных женщин, однажды полюбив и почувствовав, что любовь взаимна, выбрать единственную из них? И в дальнейшем не просто беречь любовь, но и приумножать её, да ещё и храня верность.

Может, не может, хватит! Мне нужно пытаться искать её. Даже если я обречён на вечное одиночество и мои отношения останутся лишь контролируемой гипнозом похотью, я всё равно буду пытаться до конца дней своих, это изменить.

Может ли целью быть любовь? — произнёс он прищурившись. — Может! — ответил себе, утвердительно.

Почувствовав непреодолимое желание выговориться, Джино решил: «Нужно вызвать Альбу. Но сейчас поздно, да и она совсем ещё молодая и не была замужем. Для неё слова „семья“, „дети“, наверняка из разряда далёкого, унылого будущего. Но с другой стороны, она вроде бы по образованию психолог. Возможно это поспособствует диалогу. Ладно, не буду додумывать за неё. Поговорим, а там посмотрим».

Понимая, что она, скорее всего, спит, немного поколебавшись, Джино всё-таки нажал на звонок, вызвав её для откровений о чувствах.

Глава 6

Диалог с Альбой

Честно говоря, Альба была не совсем той «кандидатурой», с кем можно было бы разделить боль одиночества, но до предстоящего разговора Джино не догадывался об этом.

Он знал Альбу только с другой стороны — как послушную, чистоплотную, молодую сеньориту в роли прислуги. Но на самом деле Альба была затаившей обиду на весь мир, неуверенной в себе, с множеством комплексов одинокой девушкой двадцати четырёх лет. Она носила огромные несуразные очки и всегда серо одевалась. Как будто назло противоположному полу. Хотя округлые формы тела, природная миловидность и пухлые губы, несмотря на её желание спрятаться под невзрачной одеждой, вызывали симпатию у мужчин.

Она имела незаконченное высшее психологическое образование. Альба не смогла окончить институт, потому что на всё имела свою точку зрения в спорах с педагогами мужчинами. Её скрытые комплексы начинали вырываться наружу, если речь заходила о её собственных наблюдениях в психологии. Она часто скандалила и закатывала истерики преподавателям. Все понимали, что это не может продолжаться. И однажды в середине третьего курса обоюдным решением руководства учебного заведения Альбу отчислили.

Для неё это был удар не только моральный, но и материальный. Обучаясь, она получала стипендию и жила в женском пансионе при институте.

Начались бесконечные мытарства в поисках работы и жилья. Далее последовали попытки самостоятельно открыть кабинет психолога, но, увы, клиенты не выдерживали её авторских методик, часто не появляясь уже на втором сеансе.

Пришло время, когда ей нечего было есть и нечем платить за квартиру. Тогда она обратилась в агентство по подбору домашнего персонала. На собеседовании, Альба приложила максимум усилий, чтобы замаскировать свой строптивый характер и смогла сделать это довольно успешно. Её приняли.

Она быстро втянулась в работу и свыклась со статусом прислуги, потому что это стабильный заработок и крыша роскошного дома над головой. С первых дней Альба проявляла себя, как чистоплотная, опрятная, любящая порядок даже в мелочах девушка. Она действительно была почти одержима чистотой, панически боясь пыли и грязи. Джино нравилось это качество в ней. Они даже были немного похожи в стремлении к стерильности. Она работала у него уже полгода.

Услышав звонок, которым Джино вызвал её, Альба поднялась на второй этаж и, плавно открыв высокую массивную дверь, с надменным видом сеньориты из знатного рода, вошла в спальню.

Альба, примеряя на себя эту роль, испытывала чувство «горделивой властности». Хотя на самом деле это была всего лишь маска, прикрывающая натуру не совсем зрелой девушки, погруженной в поиски самой себя. Поэтому она часто опускала глаза вниз, понимая, что переигрывает.

Но, что касается Джино, у неё срабатывал, какой-то внутренний тумблер, особой холодности к нему. Впрочем это и было то самое ощущение, с которым Джино сталкивался в диалогах со всеми женщинами, без исключений.

— Да, синьор. Вы вызывали меня? — холодно и размеренно спросила она.

Он какое-то время задумчиво смотрел в тёмное окно.

— Извини, что разбудил, — тихо произнёс Джино. — Всё это может показаться некстати. Но нам нужно поговорить.

— Ничего страшного, синьор. О чём именно Вы хотите поговорить?

— Альба, я хочу кое-что спросить у тебя. Мне важно, что ты ответишь!

— Да, конечно, синьор. Спрашивайте.

— Только будь честной со мною! Мне нужна правда. Хорошо? Но если не захочешь отвечать, можешь не продолжать.

— Да, я постараюсь быть честной.

— Так вот… Ты когда-нибудь испытывала чувство к мужчине, похожее на сильную привязанность, на жажду быть вместе всегда? То самое чувство, которое все так восторженно называют словом *любовь*! Или что-то?..

Он, задумавшись на секунду, остановился, чтобы подобрать слова.

— Кажется, я поняла, о чём Вы хотите поговорить, — внезапно прервала паузу Альба. — На самом деле, если честно, это болезненный вопрос для меня. Именно поэтому не люблю я все эти сентиментальности и прочее. Но хорошо, буду с Вами откровенной, — продолжила она высокомерным тоном. От чего Джино немного опешил.

— Я помню, когда я была маленькой. Мой папаша часто возвращался домой ночью пьяный, со следами губной помады на рубашке. Мама встречала его с расспросами: где и с кем он был. После чего он начинал оскорблять её и распускать руки. Потом ложился спать, как ни в чём не бывало. А она, как дура, сидела и рыдала в углу на кухне.

Один раз я спросила её. Любит ли она отца. Которого и отцом то не назовёшь. Ни разу не прижал меня, не обнял. Ну не помню я его заботы и ласки. Не помню! Так вот, она ответила: «Конечно, люблю, доченька!»

О какой любви тут может идти речь?! Это просто зависимость и не более! А ведь в таком кошмаре живут многие. Я как семейный психолог, пусть и с небольшим стажем, но достаточно часто слышала подобные истории. Именно поэтому я когда-то выбрала профессию психолога, чтобы разобраться в себе и в отношениях между людьми. Но со временем вопросов становится больше, а ответы в книгах по психологии, на практике помогают далеко не всем.

И главный мой вопрос ко всем женщинам, позволяющим себе так унижаться: ну как можно любить таких деспотов, как мой папочка и ему подобных?! Скорее всего, женщины делают это не от большого ума!.. Но мама, как она думала, любила его. И поэтому прощала ему всё! И вот однажды он просто не вернулся домой. Исчез, растворился. Она переживала и не находила себе места. Звонила знакомым, искала его. А через несколько дней, её близкая подруга призналась, что встречается с ним уже давно. И папуля живёт у неё. Вот так бывает. Одним махом не стало любви и дружбы.

Потом в моей жизни появился отчим. Тот ещё придурок. Однажды он открыл мне дверь квартиры, где мы жили, будучи абсолютно голым. И как ни в чём не бывало, поздоровавшись, закрылся в своей комнате. Мне стало жутко не по себе и даже стошнило от увиденного. Я ничего не рассказала маме. Но это повторялось. У меня каждый раз его поведение вызывало отвращение. С того времени я стала с осторожностью относиться к мужчинам.

Альба говорила об отчиме с презрением. При этом пристально смотря на Джино.

Джино даже показалось, что она адресовала сказанное ему. Но он просто слушал.

— Позже, когда мне было пятнадцать лет, я познакомилась с очень красивым мальчиком с соседней улицы, его звали Майкл. Понимая, что он сильно нравится мне, я пришла к маме рассказать об этом. Мама выслушала меня и ответила очень жёстко и совсем не то, что я хотела услышать: «Доченька, я прожила долгую жизнь, и точно знаю, что это твоя первая любовь. Прости, моя девочка, но ты должна помнить, что мужчины полигамны и он бросит тебя, когда встретит другую. А потом, в твоей жизни появится новый парень, который полюбит тебя, но уже ты будешь к нему холодна».

Мама рассказывала о своей жизни с папашей и отчимом. У меня всё застыло внутри, мне стало страшно, но она, желая оградить меня от страданий, продолжала говорить: «Альба,

я не знаю, что тебе посоветовать. И как тебе быть. Я знаю одно, если ты будешь неприступнее и осторожнее, то ваши отношения могут продлиться дольше. Учись не терять голову из-за мужчины. Я хочу, чтобы ты была гораздо счастливее меня!»

В моей жизни было несколько мужчин. И все они исчезли. Все они только пользовались мной. Сейчас, спустя годы, я понимаю, что имела в виду мама. И поэтому я теперь хочу быть просто одна.

Джино вдруг внутренне стало некомфортно от того, что, применяя гипноз, он уже не раз соблазнял её. Хотя, с другой стороны, понимая, что уважение к женщине в Италии мальчикам прививается с детства, он всё равно знал, что природа мужчины сильнее. И женщины любят доминирование мужчины над собою. Конечно, в том случае, если у женщины есть чувство защищенности, исходящее от мужчины. Но то, что рассказала Альба, стало откровением для него.

— Альба, скажи, а ко мне ты что-то чувствуешь? — с надеждой в голосе спросил Джино. — Только говори то, что думаешь!

— Вот прям как есть говорить? — с ноткой сарказма спросила Альба.

Джино насторожился.

— Ну, собственно, да. Как есть.

— Хорошо, если Вы настаиваете, я скажу вам!

Вы всегда такой холодный, надменный, смотрите на меня, как на пустое место. Я ведь для Вас прислуга. Часть интерьера, не более. Вы спрашиваете, что я к Вам чувствую?! Абсолютно ничего, вакуум! Вы пользуетесь мной, как это делали все остальные. Пользуетесь моей беспомощностью. Спите со мною, как с женщиной лёгкого поведения, когда Вам этого хочется. Но я личность! Я не понимаю, почему не отказываю Вам. Я ведь совсем к Вам ничего не чувствую. Временами Вы обжигаете меня огнём сексуальной страсти. Сама не знаю почему. Я запуталась. И вообще я сплю с Вами, наверное, потому, что боюсь потерять работу. Не хочу оказаться на улице, там может быть всё гораздо хуже, чем здесь.

Она направилась к двери.

— Прошу Вас не увольняйте меня, — внезапно остановившись, перед тем как выйти, добавила Альба. — Я просто больше не могла молчать, тем более Вы сами хотели услышать правду. Как говорил мой отчим, который сам себя называл «хмельной поэт», а на самом деле извращенец и алкоголик:

«Эмоции — это роскошь, порой непозволительная даже императорам. Особенно те эмоции, которые вызваны Её Величеством Горькой Правдой».

Хотя если Вы меня уволите, я не сильно расстроюсь. Всегда найдётся сеньор, желающий приютить юную особу. Но и это мне тоже уже не нужно. Если честно — меня от этого тошнит!

Ошеломлённый, Джино разозлился от услышанного и хотел крикнуть ей вслед: «Тебе самой нужен психолог!» Но оставил эти мысли при себе, осознавая, что в нём говорит гнев. Он сдержался, потому что было понятно: Альбой пользовались мужчины, в том числе и он сам. Поэтому она так озлоблена.

Но, мужская гордость в очередной раз взяла верх над разумом, и он всё-таки затаил обиду на Альбу. Навязчивый холод противоположного пола, сделал его заложником накопленной раздражительности в отношении женщин. Хотя на то были причины. Ведь он не понимал почему именно с ним всё это происходит. Поэтому грань между реальной «невиновностью» женщин перед ним и его собственными ощущениями, исчезала с каждым днём всё больше и больше. Отсюда желание достучаться до них, потребовать чувств, закричать: «Я здесь, я могу любить и быть любим!» Всё это привело Джино ко внутренней озлобленности на женщин.

Джино не хватало перемен в жизни. Он просто не знал, как всё изменить. Не было ни одного человека на Земле с кем он мог бы поделиться своей историей и услышать совет, что

нужно сделать, чтобы всё изменить. Да и кто бы смог дать совет, как выйти из такого хитросплетения?..

Глава 7

Камин

Когда Альба ушла, Джино встал с кровати, переоделся в халат и спустился в столовую. Подойдя к холодильнику, он достал кусок холодной, слегка обжаренной говядины с кровью. Порезал его и начал есть, запивая тёплым красным вином.

В доме стояла немая тишина, которая в то же время оглушала своим постоянством.

Поужинав, он вытер белой хлопковой салфеткой губы, раздражённо швырнул её на стол и направился в гостиную.

Это был большой зал с пустым пространством без капли уюта и минималистским дизайном. Напротив камина стояли два похожих на чаши кресла тёмно-красного цвета, изготовленные в футуристическом стиле 60-х годов, с неестественно высокими и зауженными к центру спинками.

Камин же был в виде ворот с двумя чугунными створками и полукруглой аркой наверху. Высота его была примерно четыре, а ширина — три метра. Левая створка всегда приоткрыта. Внизу лежал огромный сломанный замок, который, как думал Джино, символизировал собой снятие запретов с греховной жизни с целью вкусить её плоды. Внутри над пламенем были высечены из камня фигуры в виде горящих в аду грешников. За счёт игры света и тени от огня персонажи буквально оживали. Некоторые из них выглядели настолько ужасающе и реалистично, что могло показаться, будто слышно их душераздирающие крики.

Оказавшись в гостиной, он подошёл к бару, достал виски, налил половину стакана и добавил лёд. После чего элегантным жестом открыл коробку сигар, прикурил одну и направился к камину.

Свет в огромном зале гостиной был приглушён, что в полумраке усиливало чувство одиночества. Он включил нетленное произведение «Реквием» написанное Моцартом незадолго до смерти.

Подойдя к журнальному столику около кресел, Джино поставил стакан, положил сигару в пепельницу и, засунув руки в карманы шёлкового халата, начал медленно приближаться к камину.

Оказавшись вплотную, он стал всматриваться в жуткие образы. Протянув руки к языкам пламени и сев на корточки, он перевёл взгляд на огонь. Поднеся кончики пальцев совсем близко, Джино попытался побороть боль и терпеть, сколько есть сил. В его глазах отражался свет огня и страх. Почувствовав, что сильно обжёгся, он отдёрнул руки, сжав губы от боли. Глаза сверкнули злостью от того, что он не может контролировать её. Резко встав и попятившись, он посмотрел на столик, взял виски и разом выпил всё до дна. Сильно затянувшись сигарой и выпустив дым, Джино комфортно расположился в кресле. Немного успокоившись, он снова посмотрел на фигуры в камине пробормотав под нос: «Да… Величия мне не занимать, а стоит пальчик обжечь, как всё — бежать, спасаться».

Он поднял глаза на большую картину «Игра», висевшую справа от камина, творение русского художника Александра Куликова. Ту самую, сюжет которой позже будет крутиться в его голове за мгновение до падения со скалы в море.

В тысячный раз рассматривая персонажей, играющих со смертью над пропастью, он ассоциировал себя — то с безразличной публикой, то с отчаянным глупцом, рискующим жизнью ради забавы. Но, при этом, все они вызывали какое-то презрение у него. Размышляя о характерах героев картины, с одной стороны, в такие моменты пробуждавшаяся самокритика Джино

помогала найти их недостатки в себе, но, с другой стороны, высокое самомнение кричало: «Нет, нет, ты не такой, как они!»

Ему всё-таки как-то не очень хотелось быть подлецом или глупцом, коими являлись изображённые герои.

В то же время было интересно, что побудило главного персонажа надеть повязку на глаза и рисковать жизнью над обрывом.

«Может, это проигранное пари? — думал Джино. — А может, он что-то был должен и не вернул. А может быть, они все, поочерёдно надевая повязку, безрассудно играют со смертью под влиянием алчности. Борясь за некий денежный приз, который достанется единственному выжившему. Или ими движет элементарное желание пощекотать нервы.

— Молодые безрассудные глупцы, — прошептал он. — И я, где-то среди вас, ребята…

Окончив когда-то по настоянию своего отца Институт внешней торговли Италии, Джино из года в год всё острее чувствовал, что ресторанный бизнес и сфера обслуживания — это не его поприще. Да и вообще слово бизнес у него ассоциировалось исключительно со словом обязанность. Он допускал мысль, если уж не совсем о полном отказе от ресторации, то, как минимум, о совмещении управления компанией с призванием быть писателем. Ведь это — то о чём он мечтал с юных лет.

В то же время, унаследованное дело за долгие годы буквально вросло в существенную часть его натуры. И поэтому не вызывало чувства ненависти или отторжения. Просто он решительно настроился заняться тем, к чему у него действительно тянулась душа.

В юности, погрузившись в чтение различной литературы, от классики до авангарда, Джино испытывал то немыслимый восторг, то разочарование на фоне внутренних конфликтов от прочитанного. В процессе познания новых горизонтов в книгах он загорался идеей самому стать писателем. Тяга к чему-то высокому и монументальному в его внутреннем мире играла роль ослепляющей мечты. В радужных представлениях о поэзии и философии, как он считал, пропитанных исключительно духом свободы, по его мнению, академизму не было места. Поэтому он иногда записывал только обрывки незаконченных мыслей в свой блокнот, думая, что главное — успеть записать суть, а к деталям и логическому заключению можно вернуться позже.

Любовь к книгам ему привила мама Мария — филолог по образованию. У них была большая домашняя библиотека. Мама постоянно цитировала кого-то из классиков, а потом они разбирали заложенный смысл. Она всегда искренне радовалась его юным рассуждениям о философии. Но больше всего Джино увлекали романы, в которые он погружался с головой. И уже тогда потихоньку сам мечтал писать.

Мария была, красивой, жизнерадостной женщиной. В ресторане на её плечах была организация увеселительных мероприятий, дней рождения, праздников и прочих развлекательных программ. Их дом, как и первый ресторан часто посещали её друзья — писатели, художники, поэты, музыканты. Там царила атмосфера то глубоких диалогов допоздна, то праздничных настроений и веселья.

При этом люди могли только познакомившись, сразу начать блистать остроумием цитируя классиков и современников. Или незамедлительно, то парируя, то вступая в откровенный спор, превращать разговор в интеллектуальную дуэль. А иногда кто-то мог мастерски рассказывать анекдоты. Музыканты играли на различных инструментах то солируя, то аккомпанируя кому-то, кто начинал петь, а иногда солисту подпевали все присутствующие.

С одной стороны, Джино рос в творческой, живой атмосфере. Он был частью такого образа жизни. Но контрастом происходящему были более сдержанный характер и расчётливый ум отца Джино, Альберто, который, будучи инженером по образованию, недолюбливал всю эту болтовню и праздность на вечеринках. Воспринимая происходящее, исключительно, как источник доходов. Он говорил: «Сухая статистика сынок, сухая статистика. Все эти певуны и

танцоры громко гуляют, но мало платят. Я хочу поменять концепцию нашего ресторана. Нам нужны «*ospiti*» — «гости» с взыскательным вкусом, чтобы заказывали «*cucina raffinata*» — «изысканную кухню», за что с них можно было бы содрать побольше денег. И тогда мы сможем открыть ещё ресторан, а потом ещё. Для этого нужно изучать их привычки и предпочтения. Повара, официанты, администраторы в этом случае, как члены одной семьи, а гость — это их дальний, но очень важный родственник, которого они ублажают во всех капризах нашей кухней и сервисом.

Понимаешь? — в ответ, маленький Джино просто кивал головой.

— Но есть одно *но*. Вот послушай, сынок. С богатыми синьорами работать сложнее. Все мы между собой должны взаимодействовать как единый механизм. От повара до официанта. Потому что к примеру: сегодня гость пришёл в твой ресторан и заказал блюдо. Ему принесли его, а он остался недоволен или, что хуже возмущён. После чего больше не вернётся. Более того расскажет всем, как ужасно у тебя готовят. Вопрос: Почему так произошло? Возможно официант, что-то не расслышал и записал заказ упустив важные тонкости. И тому может быть масса причин, засмотрелся на сеньориту за соседним столиком или чего хуже, на жену самого посетителя, бросил неосторожный взгляд. Или повар доверил помощнику то, что должен был сделать сам. Передержал, недодержал, пересолил, недосолил. Что, конечно бывает редко в моём ресторане, но случается, когда я не контролирую всех своим присутствием и не участвую во всех процессах лично. Любого повара, даже самого опытного, нужно постоянно проверять. Ставя перед ним новые неожиданные задачи. И получается, если гость уходит недовольным и не возвращается. В итоге кто виноват, как ты думаешь, сынок?

— Официант и провар? — как бы уточняя и неуверенно отвечал Джино.

— Нет! Виноват ты и только ты. Я имею в виду хозяина заведения.

— Понимаешь о чём я?

Так вот сын, когда вырастешь, моё дело перейдёт в твои руки. К тому времени ты должен знать о ресторанном бизнесе всё.

Альберто был расчётливым предпринимателем, сторонившимся, так сказать, творческих людей из богемной среды, не воспринимая их в серьёз, но всё же была у него одна большая страсть — живопись. Хотя сам он не был художником, Альберто покупал картины как для дома, так и для стен ресторанов до самой кончины. Он имел вкусовые предпочтения в сторону сюжетного содержания полотен.

Когда мамы не стало, Джино было двадцать один год. Она умерла внезапно от инсульта в возрасте 55 лет. Однажды она просто не проснулась.

Для всех это было потрясение, особенно для Джино. Он настолько сильно любил мать, что узнав об этом, совсем молодой человек не готовившийся к такому событию, в отличии от людей в осознанном возрасте, когда понимаешь, что все мы смертны, буквально чуть не лишился рассудка. Его эмоциональность поспособствовала глубокому потрясению. Только благодаря мудрости отца, Джино со временем начал отходить от этой мысли и смиряться с ней.

Хотя проблемы со здоровьем матери были давно.

За десять лет до смерти Марии, во время операции на сердце, она пережила клиническую смерть длившуюся четыре с половиной минуты.

Когда Марию выписали из больницы, приехав домой, она встретила гулявшего на улице Джино. Немного с грустью в глазах, сдержанно улыбнувшись, так как врачи посоветовали временно воздерживаться от эмоций, тихо сказала: «Сынулечка, мой сыночек, спасибо тебе, что ты есть у меня».

Спустя годы Мария рассказала ему, что во время клинической смерти общалась с Богом. Как она почувствовав невероятную лёгкость, воспарила в небо и перед ней появился огромный столб света и мысленно она понимала, что это — Бог. Рядом с Ним был луч поменьше и она без слов понимала, что это ангел.

Бог сказал ей тогда:

— Зачем я тебя посылал на землю?

И она отвечала:

— Стать писательницей.

— Ну, а ты, что? — снова спросил Бог.

— Возвращайся на землю к сыну. Тебе сюда рано.

И, как рассказывала Мария, она полетела прямо над улочками родной Новары, домой к сыну.

Действительно, в студенческие годы, обучаясь в университете Генуи на факультете иностранных языков и литературы, Мария много писала. Это было множество рассказов, юмористических зарисовок и даже два незаконченных романа. Она посвящала этому всё свободное время, засиживаясь допоздна. Накопились десятки толстых тетрадей с рукописями, тысячи исписанных страниц, где воспевалась любовь, дружба, грёзы счастья, мечты юной красавицы о светлом будущем.

Но однажды в их небогатой семье, которая и так несла расходы на каждодневные поездки дочери до университета и обратно, так как строгая мать Марии не позволяла ей жить при университете, стало не чем топить печь, на которой готовили пищу и которая обогревала собственно сам дом. Тогда мать Марии со словами «Напишешь ещё. Какие твои годы» отправляла драгоценные рукописи прямо в огонь для розжига дров.

Мария рассказывала об этом Джино. И спустя годы после смерти матери, как никогда раньше, роль писателя, которую он примерял на себя в юности находила подтверждение, в его мыслях: «Мама не сделала этого, значит это должен сделать я». Только вот, строгие рамки, созданные отцом тогда в условиях развития семейного бизнеса, ограничивали его по времени. Джино постоянно находился в ресторане на подхвате у него.

Джино, впечатлённый видением во время клинической смерти матери, часто говорил с ней о Боге и религии. Он спрашивал её:

— А Бог тебе больше ничего не сказал?

— Нет, сынок, не сказал. Но главное, что Он вернул меня к тебе. А то, что я не стала писательницей, — это не страшно, ведь я посвятила жизнь тебе. Возможно, ты когда-нибудь придёшь к предназначению быть писателем.

— Бог есть, — продолжала она. — С ним нужно говорить, сынок. Он будет отвечать тебе событиями в твоей жизни. Главное — научись их понимать правильно.

Разговоры о Боге и религии сильно повлияли на юного Джино. У него не было сомнений в вере. Но когда Марии не стало, он не смог найти ответ, почему это произошло так рано.

После ухода матери, стараясь убежать от одиночества, он начал посещать различные вечеринки, которые напоминали ему о днях веселья, проводимых с ней в шумных компаниях. А иначе его незрелая душа с трещиной разочарования в жизни из-за смерти самого близкого человека ушла бы в самозабвение, быть может, навсегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.